

Дым пророчества

Матвей Болотов

Время идет, курение в монастыре все так же запрещено, а Матвей все так же делает вид, что этот запрет к нему не относится.

Конечно, когда мастера уже поймали с поличным и больно бьют по голове за нарушение монастырского устава, тут уже невинное лицо строить поздно. Но Матвей не первый день в Линь Ян Шо живет и более-менее приучился не попадаться. С одной стороны, дело осложняет то, что в комнату к нему подселили юношу бледного со взором горящим, который со всей страстью пятнадцатилетнего максималиста берется чтить правила монастыря там, где его вообще никто об этом не просил. Такой заложит буку-бяку соседа просто из любви к истине. Которая, конечно, вещь хорошая, но иногда с ней перегибать попросту вредно для организма.

С другой же стороны, в то же самое время жить немного проще из-за того, что в Линь Ян Шо Матвей практически тем только и занимается, что усердно мутирует в пиратскую копию великого прорицателя. До величия и масштабных предсказаний ему, конечно, как ослу до царского трона – у коня Калигулы больше шансов было, этого хотя бы в сенаторы произвели за выслугу лет, – но кое-что он умеет неплохо. Например, ушами и копчиком чувствовать надвигающуюся порку, которая как минимум для тех же самых ушей может представлять опасность, и технично её избегать.

Сейчас сосед где-то шастает, уши и копчик пребывают в блаженном спокойствии и скорой беды не чувствуют, а потому Матвей сидит в своей комнате на подоконнике, перебросив ноги на улицу, и дымит что твой паровоз. Из окна очень удачно все прилегающие лужайки далеко просматриваются и простреливаются в оба конца, всегда есть время кувырнуться затылком обратно в комнату и сделать вид, что никого тут и не было. Вялый ветер тянет табачный дым вдоль корпуса, где тот залетает в следующее открытое окно – Матвей, конечно, помечает его, как возможный источник ядерных тапок, но в целом по его поводу особенно не беспокоится. Как минимум, потому, что не знает обитателей той комнаты, а значит, не обязан щадить там ничьи нежные дружеские чувства; как максимум, потому, что всё так же не чувствует опасности для своей шкуры. Ну, такой, чтобы шкура прямо взвыла и с хребта сползла, а остальное как-нибудь пережить можно.

Николас Уайт

Ник сидел себе, никого не трогал, скучал в своей комнате, на голове стоял да на руках и думал, к кому бы пойти поприставать от скуки. Скучно - хоть убей. В Монастыре не происходило абсолютно ничего из того, что было ранее. Определённо его жизнь умерла после окончательно отъезда Яна - а прошло с тех пор аж тридцать пять дней. И всё как будто перевернулось вверх дном. И еда не та, и сон не тот. И болтать не с кем ночами о том, да о сём. И вообще - хоть в другую комнату переселяйся, с другим человечком. Николас был очень общительным и доброжелательным к беседам всяческим - и ни в какую не переносил одиночества ни в какой форме. Вот, лучше убейте, ей-богу, чем одного на острове оставляйте! Нику всегда нужен был какой-нибудь собеседник рядом, а после отъезда Яна как-то и обитатели все стали неразговорчивыми - или у всех были свои дела и обязанности, он не знал наверняка. В любом случае, Ника оставили с носом. И

нужно было что-то делать, как-то эту скуку невыносимую исправлять, где-нибудь погром устроить, чтобы хотя бы воспитатели или как их там - мастера - узнали.

Дым, залетевший в его комнату, заставил его откашляться. Сам Ник не курил, курение не сильно осуждал, в принципе, это был выбор каждого человека. Правда, эти сигареты были на редкость едкими, как будто курили отраву для крыс. Или траву какую. А вот этого точно нельзя было допустить в Монастыре. Не то, чтобы он был прям за правила и всё такое, но... А, погодите-ка, дым идёт из комнаты слева, а там жил как раз несовершеннолетний пацан. Вроде как. Взбучку ему устроить, что ли?

Ник встал с кровати, решительно направился к своему соседу. Постучал громко и отчётливо в дверь.

Матвей Болотов

На стук в дверь Матвей реагирует со свойственной ему ленцой – не спешит шугаться. Это явно не сосед вернулся, потому что сосед бы ту дверь уже давно лбом выбил и разрешения бы не спросил. И кто тогда, любопытно было бы знать, там такой вежливый?

Во-первых, есть некая, хоть и мизерная, вероятность, что всё-таки кто-то из мастеров решил заглянуть, во-вторых, действительно любопытно, поэтому Матвей не спеша оборачивается и сканирует взглядом дверь.

Сигаретный дым, заплывающий в комнату и повисающий в ней белёсой пеленой, ничуть не мешает; Матвей даже не сквозь него смотрит – вообще мимо него, и не глазами вовсе, будто по другому плану реальности идёт. Знакомо и колко немеет макушка, словно на голове уж который час трехтомник Властелина колец лежит, и Матвей мысленно тянется к двери. Протягивает между ней и собой уверенный канат фиолетовой энергии и то ли себя на этом канале волочет к двери, то ли наоборот, дверь к себе – исход всё один: перед его мысленным взором дверь становится больше, вырастает ввысь, словно она и не на другом конце комнаты уже, а на расстоянии вытянутой руки только. А потом плотное до сих пор дерево становится прозрачным, как кисея, и Матвей видит сквозь него человеческую фигуру.

Ему требуется ещё несколько секунд, чтобы сосредоточиться крепче и от рассматривания силуэта в целом добраться до лица в частности. А по лицу сразу становится понятно: нет, это отнюдь не мастерский состав, это ученическая молодая гвардия. Нечего ее бояться и перед ней на брюхо падать.

– Никого нет дома, – чётко говорит Матвей, ровно настолько громко, чтобы его голос было слышно за дверью – сильнее орать незачем, цели докричаться до Шанхая нет.

– Все ушли за улиткой на склон, чтобы покончить с собой при помощи огнестрельного оружия не позднее двадцати двух ноль-ноль. Автоответчика нет и не было, с вами разговаривает комод. Можете попробовать оставить сообщение. – В коридоре больше ничего интересного не происходит, поэтому Матвей гасит напряжённую верхнюю чакру. Всё-таки долго проделывать в двери мысленную дыру размером, собственно, с дверь – это пока ещё утомительное занятие.

Николас Уайт

Нику, может быть, и было бы всё равно, что там происходит, за этой дверью, но ему показалось, что пацан этот точно обкурился - такой чуши он давно не слышал. Причём обкурился так знатно - глядишь, щас из окна ещё полетит верх тормашками. Или... Словит такой кайф, что получит сильнейший передоз и впадёт в кому, к

примеру? Ну, это уж вряд ли. Сам факт владения здесь, на территории Храма, травой - уж очень сомнительный, как все мастера могли этот момент проглядеть? Но... Может, они были все заняты. Ник когда-то в подростковом возрасте тоже слегонца баловался - но это было чисто в качестве эксперимента, что с ним будет. Ему... Было весело, да. Не настолько, чтобы заниматься этим на постоянной основе, так что он быстро завязал с этой хренью. И с удовольствием поможет с этим нелёгким выбором своему несовершеннолетнему соседу.

Дверь хоть и была закрытой, но не настолько, чтобы он не смог её открыть - тут не было замков и всего прочего. Она открылась по нажатию ручки - и - дыма тут уже было достаточно. И в этом дыму виднелся эдакий гот-вампи́р, из конца прошлого столетия.

- Чел, тебе скучно или чего? Хочешь привлечь внимание мастеров или помочь, может? - Ник был ненамного его старше, может, на пару лет. Этот парень хоть и выглядел потрёпанным своей травой, но выглядело так, как будто Ник был его старшим братом, хотя, возможно, он был даже младше его - но не по уму точно.

Матвей Болотов

Матвей, откровенно говоря, рассчитывает, что после его очень хорошего и подробного ответа торчащий за дверью юный гвардеец от него отцепится. Зачастую потенциальные собеседники отцепляются как миленькие, сразу же поставив крест на попытках добыть из Матвея адекватную и конструктивную беседу. Но тут очевидно не тот случай, и бьющийся в двери парень отступить не собирается; более того — ломится в комнату.

Хотя чего там ломиться-то. Хватило ума дверную ручку повернуть, и уже можно победу праздновать. Задача то несложная.

— Чего тебе надобно, старче? — классическим текстом вопрошает Матвей. Со стороны ворвавшегося в комнату парня он чувствует какую-то неразборчивую эмоцию, густую, и вязкую, и душную, как липовый мед. Какую-то совсем новую, невиданную ранее, что ли — и такую любопытную, что Матвей даже временно забывает про тлеющую в пальцах сигарету. Он старательно вслушивается в новые для него эмоциональные нотки, силясь их распробовать — и ржать хочется, когда получается наконец понять и распознать.

Да никак это снисходительное поучительное превосходство? Такое, с каким отец подступает к сыну-дуралею? И оно выглядит только смешнее от того, что Матвей, продолжая мысленно тянуться к своему незваному гостю, уверенно ощущает, что они примерно одногодки. Плюс-минус, наверное, даже минус не в пользу Матвея, но все равно, мозгов в головах должно быть примерно одинаково. В теории.

— Ча, у мастеров дел других нет? — риторически вопрошает Матвей. Он сам прекрасно знает ответ: дел полно, и гораздо более важно, но если нужно будет ненадолго отвлечься, чтобы настучать олуху по неразумной голове, так за ними не заржавеет, лучше не провоцировать. — Не, нехай на мою скромную персону не отвлекаются. Я согласен коротать дни в незаметности. — Гость уходит не спешит. Торчит в дверях обличающим перстом, смотрит с осуждением. Матвей же в ответ врубает глухое непонимание — он, конечно, догадывается, за что его тычут грозным взглядом, но делает вид, что намёков не понимает. И спрашивает в лоб: — Ну так — по какому поводу ты заглянуть решил? Чи просто так по комнатам ходишь, двери трогаешь?

Николас Уайт

Было сразу достаточно очевидно, что горе-курильщик так быстро не захочет закрыть эту беседу - просто перестать курить, потушить сигарету, проветрить комнату и так далее. Конечно же, он стал сопротивляться, правда пока его бунд заключался в какой-то не очень активной попытке "слить " Ника из своей комнаты - в принципе, вот, так посмотришь на него - аж спать хочется. Истинное воплощение лени. У Ника сложилось именно такое впечатление, хотя он не особо разбирался в людях и вообще психологией не увлекался. Но, кажется, в этом случае всё было написано на лице и так.

- Что куришь, спрашиваю? - Ник решил встать в защитную позицию в этой конфронтации, вдруг он ошибался и это была никакая не трава, а обычные вонючие сигареты? Ну, один фиг, их нельзя было раскуривать здесь, но наказание от мастеров вроде как должно последовать другое. Меньшей степени тяжести.

- Может, мне понравился запах этих сигарет и мне тоже захотелось курнуть, м? - эта идея ему пришла буквально сейчас и он сам немного опешил от неё - в самом деле, почему не притвориться союзником и не выведать все тайны горе-курильщика будучи в самом сердце хранилища этой травы? Или сигарет, там как уже выйдет, наверняка у него тут их было ну очень много - по нему не скажешь, что он очень охоч до регулярных пробежек до рынка.

Матвей Болотов

Яснее ясного, что они друг другу не нравятся.

Для Матвея это и вовсе очевидно до зубовного скрежета, ему даже по лицу ничего читать не надо. Отсутствие к нему любви у окружающих он всегда улавливает ещё издали, на подлёте, равно как и очень знакомую металлическую нотку неприязни в настроении. Впрочем, ничего нового. Пока аура гостя не наполняется перечно-острым желанием пустить в ход кулаки, Матвей и вовсе считает, что у них тут все в норме. Своего рода стандартное отсутствие нежного взаимопонимания — да и черт бы с ним. Всё равно его, как правило, никогда и нет.

Вопрос гостя, на взгляд Матвея, выдаёт в нём глубокую фитоняшку. Потому что унюхивать на улицах табачный дым достаточно часто для того, чтобы уверенно его узнавать и не путать со всякой пакостью, — дело невеликое, это каждый здоровый человек умеет. И не задает таких нелепых вопросов, на которые фиг их вообще знает, что отвечать. Первое, самое естественное движение души — заявить, что это не дело всяких незваных гостей, и послать человека в коридор подальше, там кому-нибудь дурацкие вопросы задавать. Но эту реплику Матвей придерживает, рассудив, что её озвучить никогда не поздно. И в итоге отвечает за уши притянутой цитатой из классики: — Ну, "Нашу марку"?

Как будто это хоть о чем-то гостю говорит. И как будто ему бы что-то сказала другая, соответствующая истине марка.

Дальше — интереснее. Гость ни с того ни с сего вдруг заявляет, что тоже желает выкурить сигарету. И при этих словах его аура вдруг подсвечивается яркими голубыми всполохами. Как будто иллюминацию включили, да погуще, чтобы глаза запорошить. Матвей принимает к сведению этот сигнал, выдыхает очередную струю сизого дыма и с дымом же напополам отвечает: — Врёшь. Запах тебе не нравится, и пришёл ты сюда не сигарету стрельнуть. Какие ещё легенды будут? — Матвей скорее уж поверит, что гость явился ту сигарету забить курильщику в глотку во имя

здорового образа жизни. Уж по меньшей мере это ближе к его истинным намерениям, чем явственно фальшивое "тоже захотелось курнуть". Дельная всё-таки вещь – аура. Совсем лгать не умеет, столько проблем иногда этим решает.

Николас Уайт

Ну, вот, этот бунтарь с сигаретой наперевес, кажется, пошёл ему сначала навстречу, высказавшись со своей стороны - упомянув название сигарет, которые, к слову, для Ника не были неизвестными, потому что его одноклассник про них ему рассказывал, но при нём не курил, - но затем всё полетело к чертям, когда чертёнок уличил его во лжи в точности обозначив позицию Ника - исходную, враждебную. С определёнными, достаточно чёткими, намерениями. И как он так точно это определил?

- Ты чё, ходячий детектор лжи, что ли? Дай закурить, по-хорошему прошу, - не унимался Ник, и пламя, которое он только-только научился контролировать, произвольно начало исходить из его кулаков, придавая парню мнимое преимущество в этой достаточно абсурдной ситуации - осталось для пущего бреда выкинуть чертёнка из его же собственной комнаты в окно и спалить ему все сигареты. Годовые запасы или сколько тут у него их было. А потом свалить куда подальше, пока мастера ему сами шею не намылили за такие сомнительные и псевдовоспитательные обращения с соседями по комнате. Или просто за ухо его притащить к мастеру, прямиком в самое пекло. Приготовить ведро для мытья полов, тряпку, облегчить, так сказать, реализацию исправительных работ.

Матвей Болотов

– Прикинь, какая жалость: детектор, ага, – соглашается Матвей. И лжи, и всякого ещё другого интересного. И обычно к людям в личную жизнь не лезет, ограничивается поверхностным скольжением по эмоциям – но тут уж немного не тот случай. Тут парень зачем-то прет на Матвея грудью, что твой бульдозер – а Матвей считает, что тогда это уже своего рода разрешение на ответное вторжение. Опять же, неглубокое: чего, выкапывать из него страшные тайны далекого прошлого? Пфф, как будто делать больше нечего. Матвей вглядывается в ворвавшегося к нему в комнату парня, как в поверхность зеркала. И первое, что в этом "зеркале" видит – ярко пылающую Манипуру, похожую на разгорающееся раскалённое солнце. Ага, то есть ему сейчас дадут вовсе не фигурально прикурить с кулака, очень мило. Но интересуется Матвея вовсе не это: он ищет в матовой поверхности зеркала следы того, что его пламенный гость тоже курит. Хоть какие-нибудь. Хоть раз в месяц, пусть самой легчайшей дымной патиной у самого края стекла – ищет и не находит ничего подобного. Физические упражнения, разминки, раскочки? сколько угодно, они так часто отпечатаны на глади зеркала, что почти вросли в него. Сигареты? неа, ни следа. Из чего Матвей делает уверенный огульный ввод, что привычки такой за его внезапным гостем не водится. И огрызается в ответ: – Ча, из принципа дымом давиться будешь? Да ты ж даже не куришь, стрелок несчастный, на кой оно тебе сдалось? – А у гостя пламенного из-под пальцев уже начинает брызгать огонь, и в целом ситуация мало-помалу съезжает в какую-то странную плоскость. Матвей и так убеждён, что, застукать его мастера с сигаретой в зубах, он получил бы максимум по жопе и воспитательное дежурство – формально, его могут за нарушение правил попросить отчалить из монастыря, по факту, вроде исторически еще никого вон за

курение не попросили. Да и потом, сейчас Матвей ещё и практически стоит на страже здорового образа жизни, пусть не своего, а чужого, не дает заблудшему парню скуриться и вообще выполнивший долг пред небом чист. А вот куда собрался заехать его странный гость, сжимающий и разжимающий пламенные кулаки – это вопрос интересный, ради этого стоит рискнуть, чтобы ответ узнать.

Николас Уайт

Добрый и пушистый Ник сейчас казался не таким уж и добрым - а скорее разъяренный псом, которого морили голодом, пытали и вот он вырвался на волю и отыгрывался на своих живодерах - и всех хоть сколько-нибудь похожих на них. Но ведь это временно, верно? Ник по своё йнатуре был добрым парнем, и злиться долго не мог. Огненные искры, которые ненароком выступили за пределы дозволенного, посверкали-посверкали да потухли. Ник вспомнил одну историю о парне, который однажды по своему невежеству покалечил безобидного паренька и после этого был отправлен в ссылку - без возможном вернуться в Храм. Магия Храма каким-то образом защищала его постояльцев от всего враждебного, хотя, вроде как за драки никто не исключал - если те были плюс-минус безобидными, но Ника нужно было очень постараться вывести из себя, чтобы он полез в драку. Сказывалось влияние огня - он боролся с ним. Не тренировками, как должно быть у нормальных людей, но подавлял в себе проявления стихии, хотя и не всегда вовремя. Но сейчас, в очередной раз одернув себя, и вернувшись в более-менее спокойное состояние, он загасил эти внезапные огненные всполохи, из-за которых ему могло прилететь много больше, чем его соседу.

- Откуда тебе знать, курю я или нет? Дай попробовать, говорю.

Матвей Болотов

– Чувак, знал бы ты, сколько я всего при желании могу узнать, – сообщает в ответ Матвей. Будь он деятельно любопытным, ему бы давно верхние чакры выдрали с корнями, чтобы не лез куда не просят и не рассматривал всякое, которое ему вообще-то никто не показывал. Но Матвей, наоборот, чаще бездейтельно равнодушен и никуда особо не лезет. Скачет по верхам, пробуя на вкус и цвет чужие эмоции – и то, это больше машинально и привычка, чем осознанное снятие пробы, – но более чем редко лезет вглубь, трогать тонкие, ускользающие нити судеб. Для этого нужен какой-никакой веский повод, повода, как правило, никогда нет, ну вот и дергаться нечего.

Дискуссия между тем уверенно превращается в патовую. Каждая сторона твердолобо стоит на своём и никуда особо не двигается. Это грозит затянуться до бесконечности, и Матвею предсказуемо надоедает тратить силы на бодание первым. Мастеров на горизонте не видно, рухнуть из окна мастеру под ноги и сдать с потрохами всю контору, решив вопрос таким красивым способом, нельзя, а других направлений движения немного. Только сдать и лыжню уступить.

– Минздрав в последний раз китайски предупреждает: курение – это яд, – вяло говорит Матвей и делает очередную затяжку. Ему уже порядком надоедает стоять на страже чужого здоровья – кто он такой, чтобы запрещать взрослым мальчикам сводить близкое знакомство с табаком, и вообще, роль поборника здорового образа жизни ему по умолчанию не подходит, – и он достаёт из кармана пачку сигарет и бросает на комод, где она остаётся валяться на расстоянии вытянутой руки от настойчивого гостя. – Ча, сам разберешься, как с сигаретами обращаться? Чи тебе

подсказать надо?

Николас Уайт

Ник не знал о существовании таких способностей, благодаря которым можно было считывать чужие эмоции и даже судьбу - словно настольную книгу. Он мало интересовался тем, что в принципе существовало по части магии помимо того, что он умел сам. Не было такого повода и подходящего человека, с которым он смог бы вот так взять и забуриться на какое-нибудь групповое занятие. Одному тааак скучно, вы не представляете. Он же опять замучает своего мастера до смерти занудными вопросами.

Посему все слова от парня-гота насчет всезнайства он смело пропустил мимо ушей - блефом его точно не возьмешь. Иначе почему он не сказал, что Ник собирался его на полном серьезе сначала сдать мастерам? А теперь, когда ситуация потекла другим ручьём, он спокойно мог даже попробовать закорешиться с этим готом, потому как лишние знакомства ему явно не помешали бы.

Про то, что курение - яд, он и так прекрасно знал, но ради новых знакомств в теории можно было пойти и на такое. Жаль только, эти сигареты были очень вонючими.

- Ты давно в Храме тусуешься? - Ник открыл пачку, доставая сигаретку. Обратился к своей огненной чакре, позволяя её энергии вылиться наружу, через руки, превращаясь в маленький огонёк на руке, а затем переходя на сигарету и потухая вовсе. Он попробовал сделать затяжку. Закашлялся.

- Блин, я думал, мне показалось. Но нет, мне они не нравятся, - помешает ли это их знакомству и дальнейшей беседе? Как знать.

Матвей Болотов

Матвей пока не догадывается, что с ним тут собираются знакомиться и корешиться, но если бы знал – ему бы стало очень любопытно, как это так товарищ собирается всё вывернуть. Чтобы знакомство, начавшееся с наезда, превратить во что-то, похожее на допропорядочное товарищество – это, спору нет, возможно, но надо иметь определенный талант. Или по жизни быть человеком, который все знакомства только так и завязывает, а потому здесь все мели знает. Но пока Матвей не в курсе таких сложных вопросов, он пока что с интересом наблюдает, как его борзый гость возится с сигаретой. Пафосно прикуривает от указательного пальца и пытается затянуться дымом.

И дым, естественно, тут же встаёт ему поперёк горла.

– В монастыре? Да давненько обитаю, – пожимает плечами Матвей, продолжая следить за знакомство парня с сигаретой. Ему искренне интересно, как там дело сложится и будет ли второй заход чи на первой невкусной затяжке всё и кончится. Посчитать хоть сколько-нибудь точно Болотов даже не пытается: знает наверняка, что если засесть с календарём в руках и со скрупулезностью, то срок насчитается огромный. За такой срок уже давно можно было вырасти во что-нибудь приличное, Матвей же, за вычетом верхних чакр, не растёт вообще никуда, а умиротворенно прокрастинирует и стагнирует. Но гость будто бы ждёт более определённого ответа, и поэтому Матвей навскидку отвечает (и похоже это "навскидку" больше на "пальцем в небо"): – Ну, года три, положим. Существую вот.

Гость тем временем делает ничуть не неожиданный вывод: сигареты ему не нравятся. И удержаться попросту выше сил Матвея, он тут же влезает с языком и укоризненно замечает: – Так я ж тебе сразу примерно то и сказал. И ча, на кой надо было выпендриваться? Кому ты ча доказал тем, что сидишь теперь и героически давишься дымом? – Умение вовремя признать, что перед тобой кактус, и не грызть его, между прочим, великая вещь. Но не всем доступная, увы.

Николас Уайт

Попытка познакомиться, кажется, провалилась ещё с самого начала - как только Ник зашёл в эту комнату, руки в бока и назидательным тоном начал читать лекции по вреду курения. А сейчас сам же попробовал эту гадость, чисто ради укрепления шансов на знакомство и дальнейшее общение - ему действительно было в гадость затягиваться этим. Возможно, существовал какой-то более приемлемый для него вкус хотя бы на время знакомства - но он если и узнает, то явно не здесь и не сейчас.

- Я тоже где-то так же. Три с половиной года, - он посмотрел на сигарету, нашёл глазами пепельницу, подошёл к ней и скинул в неё бычок. Нужно было как-то задержаться в этой комнате дольше, чем на пару секунд, уцепиться за что-то, что позволило бы ему выиграть время и смягчить не очень гладкое начало.

- Ну, с кем не бывает, есть же разные фильтры, - сказать, что эти сигареты не просто вонючие, а отвратительные - это ещё ничего не сказать. Они были настолько ужасными, что Ник до сих пор диву давался, как на запахок не сбежалось добрая половина мастерского состава, - ты, кстати, в курсе, что курить на территории монастыря запрещено? Мастера если запалят, больно будет, - он сказал это так, без назидания, словно невзначай отметил, ожидая ответную реакцию парня - негативную ли?

Матвей Болотов

Разговор откровенно не клеится, и Матвей с умеренным любопытством наблюдает за попытками гостя зацепиться хоть за что-нибудь. За воздух практически – хоть Матвей и метет языком как метлой, выстреливая словами даже излишне щедро для человека, который вообще-то не горит желанием общаться, особенно о том, как он в этой жизни все неправильно делает. Хотя старание парня сохранить обрывающуюся ниточку диалога вызывает своеобразное уважение и не то чтобы желание проявить вежливость – но как будто эти попытки в целом заслуживают того, чтобы их легонько поддержать.

– Не, есть просто люди, которые не курят, – хохочет Матвей. Упорные попытки нового знакомого доказать, что это просто какие-то неправильные сигареты, для особо прожженных курильщиков или вообще для извращенцев, уже почти вызывают умиление. И как-то неожиданно умиротворяют, и приводят к выводу, что, в целом, можно поболтать еще – тем более, что гость сбавляет назидательный напых, и общаться с ним тут же становится гораздо легче.

Вопрос про запрет на курение – откровенно смешной. Уж Матвей-то за три с лишним года уж точно по этому вопросу выучил если не всё, то очень много. Смешливо фыркнув, Матвей удобнее устраивается на подоконнике, затягивается и сообщает напополам с сизым дымом: – Я не только в курсе, я даже могу тебе рассказать, как конкретно за это вставляют пистоны в жопу. Опыт богатый. – Хочется для пущего

драматизма еще добавить, что не просто пистоны, а и с патефонными иглами напололам, но это будет неправда, потому что проступок еще не такой серьезный. Патефонные иглы добавляют на более поздних этапах, когда проступки уже входят в терминальную стадию. — И опыт уклонения — тоже богатый. Подключаю всю доступную мощь верхних чакр, получаю своевременный сигнал, когда дело начинает пахнуть жареным, и успеваю слить и сделать вид, что это не я и вообще ничего не было. Не жизнь, а песнь о безмятежности. — Вот воистину, полезная вещь — прорицание. Не будь у Матвея к нему врожденной склонности, стоило бы воспитать в себе принудительно, ради таких-то богатых плюшек.

Николас Уайт

Их взаимодействие вот-вот должно было зайти в тупик, беспamięтно затерявшийся в клубах дыма странного вида худощавый юноша растворился бы где-то в параллельной реальности, где между парнями нет ничего общего, но... Как минимум, территория Монастыря общая, а это уже очень много. А если поискать хорошенько, рассекая с фонарём в руках наперевес сигаретный туман - найдётся и ещё, что-то доселе тайное и сокрытое. Но будет ли Ник этим заниматься? Ему точно нужно туда лезть? Ну, раз ноги уже в проруби, пора и голове булькнуть в ледяную гладь, оставляя после себя последний всхлип в леденящую пустоту.

- Ты прав. Я за ЗОЖ- балдёж. Мне мораль не позволяет всякие штучки, может, я бы и хотел когда-нибудь другую жизнь, но что есть, то есть. Воспитание, - пожал плечами парень, - это навсегда.

- Ты предсказываешь будущее? И как оно? Сильно помогает? - он машинально взял какой-то предмет с тумбочки и тут же его вернул на место. Эх, зря, наверное, он всё это затеял. Гиены с тиграми не водятся. Но отступать как будто бы уже поздно. Ну, он может дать ещё один шанс, пусть парень расскажет о своих волшебностях каково это жить - зная всё наперёд? Скучно, наверное. Невыносимая скука и занудство. Ник поежился.

Матвей Болотов

— Да на здоровычко, — уверенно разрешает Матвей. Он всегда готов признать за собеседником право на ЗОЖ, веганство, черную магию и кто там еще чем увлекается. Вот строго до тех пор, пока этой жизненной позицией Матвею не начинают тыкать в рожу, как указателем, непрозрачно намекая, что он должен после этого немедленно сворачивать с той сорной тропы, по которой он бредет, и бежать в указанном направлении, исправляться и очищаться. Матвею пока что абсолютно комфортно в том состоянии, в котором он ныне пребывает. Тащить за собой в дебри Хучитана он никого не собирает — это личное дело каждого, блуждать ли в непроходимых джунглях или жить как умный цивилизованный человек, — но и бегать по чужой указке в разные стороны тоже. Благо, Ник пока это всё формулирует как свою личную позицию, на весь мир размазать не пытается, а потому Матвей к его рассуждениям относится спокойно, даже с одобрением. — Мораль — хорошая штука. Ценная. Мне вот особо не выдали. — Уж явно меньше, чем тому же Нику.

Маркетолог из Матвея, конечно, никакой, прорекламировать прорицание он не осилит. Но тем не менее, он вполне охотно сообщает: — Ну, с тем, чтобы наясновидеть грядущие подзатыльники, проблем обычно нет. Не в деталях, конечно — так, в форме общего намерения, если вовремя мозги наморщить. Ну, и понимать

собеседника чуть лучше помогает. Вот сейчас, например, я понимаю, что тебе со мной скучно. – Это, конечно, по лишенному энтузиазма лицу Ника в общих чертах видно и так. Но аура парня, по которой разливается унылая сероватая муть, только подтверждает этот вывод. – Ну уж прошу пардону, собеседник из меня не искромётный. Зато, если нужно, чтобы кто-нибудь постоял на стреме – вот уж это я умею. И весьма неплохо, прошу заметить. Так что ты это, зови, если что, – заканчивает Матвей с интонациями серого волка. Иногда в храме правила такие, что даже при всем воспитании приходится идти на нарушения.

Николас Уайт

Двум абсолютно разным по своей природе парням, видимо, так и не доведётся ужиться вместе и сойтись на общем знаменателе. Ник с каждой секундой пребывания в чужой комнате чувствовал свою затею пустым звуком, затерявшийся где-то в клубах вонючего дыма, растворившемся об ухмылочку этого парня нездоровой внешности. А сам Ник со всей своей правильностью шёл бы куда подальше, искать тех, кому это важности в чьих жилах больше здорового, чем больного. А тут ещё и прямо в лицо разоблачили его пропавший интерес к собеседнику. М-да, дела у Ника тут явно шли не в самом радужном спектре.

- На шухере постоять - это хорошо. Ну ладно, пойду я. А то тренировка ждёт. Был рад знакомству - расплылся в прощальной улыбке и протянул краба Матвею. Пора было заканчивать с чтением лекций по саморазвитию и прочим другим приبلудам для "правильных". Каждый был сам волен решать, как ему жить, что делать и как делать, Матвей уже не ребёнок и рандомному Нику тут очевидно нечего исправлять да и незачем. Может, его девушка испытает большую удачу или вовсе как там говорилось в пословице - "горбатого могила исправит". Какая разница, в пределах разумного можно издеваться над собой как угодно, если нравится. Хоть изуродовать себя, превратив в эдакое чучело.

Матвей Болотов

Ну, в общем-то, Матвей так и определил, что собеседнику с ним скучно. И в чем он, спрашивается, был неправ?

Сучить руками и ногами, как придавленный таракан, и доказывать свою искромётную сверхинтересность Матвею вот тоже скучно. И, когда минус сходится с минусом, вопреки расхожей математике, плюса не получается. Получается нежизнеспособная шляпа, да еще и колючая, как противотанковый еж. Ну вот ровно она у них с Ником и выходит. Ни убавить, ни прибавить, ничего не поменять. Ну, то есть, поменять-то, может, и можно, да этого явно уже никто делать не хочет.

– Ага. Удачной тебе тренировочки, – кивает Матвей. Все запросившиеся на язык ценные указания вроде "перерабатывай жиры в мышцы" он дальновидно придерживает при себе. С точки зрения физических тренировок Матвей – наименее полезная дохлятина, так что не ему вообще и рот раскрывать на эту тему. Ник уж как-нибудь сам без него разберется. Тем более что по нему видно: он явно и разбирается. Может, не так хорошо, как прошаренные мастера, но уж точно лучше самого Матвея. Прекрасным образом все нужные советы даст себе сам.

Обменявшись с Ником прощальным "крабом" – вот наверняка это чистая формальность, первый и последний прецедент, – Матвей снова отворачивается от двери, завязывается узлом на подоконнике и рассматривает сигарету у себя в пальцах, за время разговора превратившуюся в жалкий окурочок. Интуиция

подсказывает, что на вторую времени ему не хватит. Что уже и крыльями хлопать нечего, а нужно просто в темпе вальса приниматься за уборку и прятать следы правонарушения. Ну, этим Матвей и начинает заниматься, и день постепенно вкатывается в привычное, насквозь знакомое русло.
